

28. Barkan S. Criminology. – Prentice Hall: Upper Saddle River, 1997. P. 542.
29. Consedine J. Restorative Justice. – New York: Ploughshares, 1995. – 176 p.
30. Donziger S. The Real War on Crime. – New York: Harper Collins, 1996. P. 218.

КОНЦЕПТ ПРАВСТВЕННОЙ ИДЕИ ПОСЛЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Брандт Г. А.

г. Екатеринбург, Гуманитарный университет

THE CONCEPT OF MORAL IDEA AFTER THE ANTHROPOLOGICAL TURN

Brandt G. A.

Yekaterinburg, University for Humanities

Аннотация. В статье рассматриваются этические взгляды мыслителей новейшего времени после «антропологического поворота». Выявляются общие векторы «новой нравственности» и ее проблемные, с точки зрения дальнейшего развития общества, точки.

Ключевые слова: нравственная идея, антропологический поворот, Другой, эмерджентность, энергичность, нравственная чувствительность, этика долга и любви.

Abstract. The article reveals the ethical views of modern thinkers, after the so-called "anthropological turn". The author identifies the common vectors of the "new morality" and considers its problematic points.

Keywords: moral idea, the anthropological turn, the Other, emergence, energy, moral sensitivity, ethics of duty and love.

Антропологический поворот, который переживает философское знание, можно обозначить как поворот от универсалий к феноменам, от сущности к существованию, от норм к ситуации, в конечном итоге, от морали как свода определенных законов к нравственности – исследованию реальных «нравов», которыми люди руководствуются в своей реальной повседневной жизни [1, с.141]. То есть «нравственная идея» – концепт, выяснению которого посвящена конференция, это не новый императив, теория или система взглядов на

правильное/неправильное поведение людей в обществе, это, главным образом, новый вектор взгляда, и, соответственно, новые модели описания поля человеческих отношений. В частности поиски ответов на вопросы: Откуда берутся эти «нравы»? Как они реально осуществляются в конкретных жизненных ситуациях? Какими механизмами они могут, если не регулироваться, то хотя бы как-то направляться в желательном для общества направлении?

Причина оговорки последнего вопроса в том, что этика, мораль, нравственность, как бы ни разделялись (или отождествлялись) мыслителями в классическую эпоху, понимались как виды регуляции человеческих отношений. Автор этих строк в работе двадцатилетней давности [5] высказывала вместе со своим коллегой мысль, что мораль – регулятор социального уровня, будь это декларируемый кодекс общества или негласный или «теневого», людской (потому что «все так делают»). А нравственность – личностный, питающийся не бытующей моралью, а теми высшими образцами общечеловеческой культуры, которые, как сформулировал Кант, побуждают тебя поступать так, как если бы ты в своем сознании постоянно был представителем Человечества. Однако, сегодня «высшие образцы» перестали работать. И статус «представителя Человечества», то есть по сути Культуры с большой буквы перестал быть привлекательным в такой своей императивной модальности. Большая Культура дискредитировала свою абсолютную регулятивную ценность уже в Освенциме – об этом было сказано немало [2]. А года три назад на многих драматургических конкурсах страны лучшей была признана пьеса молодой Екатеринбургской писательницы Ирины Васьковской «Галатей Собакина», которая представляла собой историю насилия «просветителями» от Большой Культуры примитивных современных старшеклассников. Эта очень смешная и страшная в финале пародия на то, как мы, преподаватели, гуманитарии, носители так сказать «высоких идей», мыслим себя проводниками общечеловеческих регуляторов жизни и показатель разрыва Культуры (в единственном числе и с большой буквы) и реального существования людей, в том числе (если не в первую очередь) нравственного.

Задачей настоящей статьи мы видим рассмотрение реперных точек концепта нравственной идеи, как они представлены у мыслителей в эпоху «после антропологического поворота».

Во-первых, общим для всех теорий местом становится отрицание нормативной природы нравственного сознания. Ярче всего об этом писал Теодор Адорно: «Реальность имеет в наши дни такую огромную власть, она требует от человека такой исключительной изворотливости, подвижности и приспособляемости, что любая деятельность на основе общих принципов становится просто невозможной. Кантовские нравственные принципы предполагают некое прочное, цельное Я, которого больше не существует. Тот, кто сегодня действует на основе общих принципов, кажется безнадежным педантом. ... Сама жизнь искажена, изуродована настолько, что ни один человек уже не способен жить правильно...» [1, с.141].

Это же по сути утверждает и З. Бауман, когда замечает, что если в индустриальную эпоху мораль выводилась из кодекса универсальных правил поведения, то сегодня люди формулируют «этику» в терминах «неотвратимой неизбежности». По Бауману получается, что нравственные поступки случаются спонтанно («эмерджентно»), моральные Я не ищут себе этических оснований, поэтому «нравственное состояние» вытекает из «первичной сцены» человеческого стояния «лицом-к-лицу». «Мораль в ситуации хаоса возникает эмерджентно внутри скоротечных солидарностей, моральные Я не ищут себе этических оснований, но создают их в процессе самосоздания» [8, р. 17-20]. Такого рода эмерджентные мотивы и поступки возникают, по Бауману, из спонтанных чувств, эмоций человека, оказавшегося лицом-к-лицу с Другим.

Интересно в контексте обозначенных проблем размышляет и С. С. Хоружий. Он также оценивает моральную ситуацию современности, утверждая «смерть этического субъекта», которая «ведет в конечном итоге к необходимости отбрасывания всех эссенциалистских позиций, включая и такие фундаментальные принципы, как этическая норма» [7, с. 86]. То есть не норма, не императив, не долг оказываются сегодня источниками совершения нравственных поступков. Хоружий вводит новое понятие в сферу этического состояния людей – энергийность, следуя той традиции, которая рассматривает человека как «определенное энергийное образование». Думается, идея энергийной природы нравственности Хоружева перекликается с эмоционально-чувственным источником моральных стимулов Баумана, не случайно последний также упоминает в описании нравственного взаимодействия «необходимый

энергетический заряд для участия друг в друге» [4]. Вряд ли можно сомневаться, что Бауман также, вероятно, подписался бы под идеей Хоружего, что эта – новая – нравственность имеет принципиально опытный характер, (в противоположность эссенциалистской это – феноменологическая этика). В основе её «лежит классическая феноменологическая установка: заключение в скобки реальности, лежащей за пределами пережитого (субъектного) опыта» [7]. То есть реальная энергия отношения (у Хоружего – человека с Богом, а через Него человека с человеком), рождающаяся в конкретном опытном переживании – вот что оказывается пружиной развертывания нравственных отношений людей. Едва ли не совершенный образец такой опытно-энергетической этики С. Хоружий видит в опыте исихазма – основополагающей для православия духовной практики, к внимательному изучению которой он и призывает обратиться не только богословское, но и все гуманитарное сообщество.

Однако в современном знании указываются и другие, нерелигиозные, ориентиры. В этом контексте обратимся к теории новой солидарности Рорти (адепта по его собственному признанию «пострелигиозной культуры»), которую он понимает по сути как «нравственную дилемму». Рорти подчеркивает, что «враждебность к особой исторически обусловленной и возможно переходной форме солидарности (т.е. классической эссенциалистской морали – Г.Б.) не является враждебностью к солидарности как таковой». Главный механизм достижения той солидарности, которую следует достичь современному обществу, Рорти видит в «воображении», в «мысленной способности видеть в чуждых нам людях товарищей по несчастью». Он убежден, что новая солидарность – не результат моральной рефлексии, она «созидается повышением нашей чувствительности к определенным подробностям боли и унижения других, незнакомых нам людей... Это процесс, в ходе которого мы начинаем постепенно рассматривать другие человеческие существа как «нас», а не как «их» [6, с. 28].

С этой идеей напрямую соотносятся убеждения З. Баумана о том, что причина жестокостей тоталитаризма не в неразумности, как считает Х. Арндт, а в нечувствительности. Он рассматривает с этой точки зрения социальные институты, возникшие в индустриальном (модерном) обществе – обществе бюрократии и бизнеса, и показывает, что при всем их различии, быть моральным в системе обоих – значит заучивать, запоминать правила и следовать им, потому что

здесь идет общение на уровне не людей, а социально сконструированных форм. Прорваться сквозь маску, к лицу – вот что отказывается делать тоталитаризм и потому ему имманентна жестокость.

Завершая наш краткий обзор, обратим внимание на то, что сегодня концепт нравственности базируется на очень хрупких основаниях – ситуативность, спонтанность, энергичность, эмоциональная чувствительность. З. Бауман, настаивая на этой «безморальной нравственности» (у него «этика без морали»), иррациональной (потому спонтанной, ситуативной и т.п.), настаивая на принципиально неуниверсальной ее природе, успокаивает своего читателя идеей «исходного недетерминированного присутствия нравственности», того, что «этическое Я» предшествует «Я» как таковому. «Моральность предпослана возможности существования человека; до всяких авторитетных объяснений, что есть добро, а что зло, мы уже стоим перед выбором, ответственность за который не исчерпывается никаким сводом правил; моральная жизнь – постоянный выбор наугад до всяких правил» [4]. Но чем это по сути отличается от того «морального инстинкта», «категорического императива», который потерпел, как утверждается, «полное фиаско» в Освенциме и сталинских лагерях? Словом, так или иначе, а вопрос нравственного релятивизма, то есть по сути опасной вседозволенности все равно повисает пока в воздухе всех отмеченных теорий. Красив лозунг: «От этики долга – к этике любви», но любовь, с ее действительно потрясающей энергичностью, чувством Другого, непрерывным самосозданием, еще гораздо более трудно достижимое состояние, чем отвергаемое сегодня в качестве базового чувство нравственного долженствования.

Список литературы

1. Адорно Т. В. Проблемы философии морали / Пер. с нем. М. Л. Хорькова. – М.: Республика, 2000. – 239 с.
2. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. – М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997.
3. Платт К., Гусейнова Д., Венедиктова Т., Липовецкий М., Зенкин С., Эткин А., Живов В., Богданов К. А., Могильнер М., Грант Б., Гумбрехт Х. У. Антропология как вызов (раздел) // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 11-64.

4. Бауман З. Жизнь во фрагментах: эссе о постмодернистской морали (фрагменты) // http://sociolog.in.ua/view_book.php?id=1047
5. Брандт Г. А., Лобок М. А. Преодоление морали или парадоксы нравственного искусства. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
6. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 282 с.
7. Хоружий С. С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе // Этика науки. – М.: ИФРАН, 2007. – 143 с.
8. Bauman Z. Life in Fragments: Essays on Postmodern Morality. – London: Blackwell, 1995. – P. 17-20.

ГУМАНИТАРНЫЙ ИДЕАЛ В ИНЖЕНЕРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Булгакова И. А.
г. Тюмень, ТИУ

HUMANITARIAN IDEAL IN ENGINEERING EDUCATION

Bulgakova I. A.
Tumen, TIU

Аннотация. Гуманитарный идеал является необходимым условием формирования специалиста нового типа. Основой гуманитарного идеала всегда является философско-антропологическая концепция. В данной статье рассматриваются различные формы и виды эссенциализма, которые лежат в основе гуманитарного идеала.

Ключевые слова: философско-антропологические концепции, гуманитарный идеал, инженерное образование, гуманитаризация.

Abstract. The humanitarian ideal in engineering education is a necessary condition for the formation of a modern specialist. Philosophical-anthropological concepts underlie the humanitarization of education. Different types of essentialism are considered in article.

Keyword : humanitarian ideal, philosophical - anthropological , humanitarization, engineering education.

Специалист XXI века должен быть разносторонне эрудирован, духовно развит, должен в совершенстве владеть профессиональной деятельностью, быть